

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Продолжая развитие некоторых положений нашего лонгитюдного исследования многомерной сферы поэтической психологии, мы в данном случае коснемся ряда вопросов, связанных с собственно поэтическим восприятием, как творческим восприятием мира, природы, социума, другого человека и т.д. Не вдаваясь в анализ проблемы восприятия, мы, что вполне естественно, расставим терминологические акценты. А именно: 1) под восприятием мы будем понимать целостный когнитивный процесс, в котором фиксируется, оценивается и интерпретируется объективная реальность в различных ее модификациях, результатом чего является построение (конструирование) конкретного перцептивного образа, т.е. речь не идет о "чистом" восприятии, а о восприятии как преобладающей функции, которая неразрывно связана с другими психическими функциями (память, мышление – в первую очередь);

2) под творческим восприятием мы понимаем именно процесс (и его результат) конструирования субъективно нового образа, который в более или менее значительной степени преобразует, видоизменяет предметы и явления объективной реальности.

Здесь принципиально важно лишний раз подчеркнуть именно постоянное проявление синтетического взаимодействия психических функций со сменой доминант, когда то же восприятие детерминировано не только, так скажем, воспринимаемым, но и всей совокупностью установок, личностных диспозиций воспринимающего субъекта. Именно поэтому перцептивный творческий образ будет представлять собой оригинальную совокупность новых фиксаций, запечатлений и имеющихся в распоряжении этого субъекта ранее сформированных образов и их фрагментов. Не приходится говорить о том, что психологический анализ всех этих процессов во многом будет носить гипотетический характер, поскольку, а это вполне банальное положение, речь идет не только о сознательной, но и о неосознаваемой психической деятельности, не говоря уже о многих других не второстепенных вопросах (возраст, знания, опыт, конкретное психофизиологическое состояние, условия, в которых протекает деятельность и т.п.). Именно поэтому, как представляется, столь важно исследовать особенности творческого восприятия, в первую очередь опираясь на те виды деятельности, которые сопровождаются объективной ее фиксацией; к ним относятся, в частности, техническое, изобразительное и литературное творчество. Мы обращаемся в данном случае к поэтическому творчеству, позволяющему, на наш взгляд, предоставить для психологического анализа богатейший материал в чрезвычайно широком диапазоне.

Чтобы сделать попытку проанализировать поэтическое восприятие в достаточном количестве измерений знаний, нужно, как это нетрудно понять, выбирать достаточно знакомые картины природы, события, конкретных людей, иначе наши интерпретации будут носить слишком уж произвольный характер. Именно поэтому в данном случае и выбрано малоизвестное (к большому сожалению, потому что это, на мой взгляд, лучшее из стихотворений, посвященных украинскому гению!) стихотворение Леонида Мартынова "Дневник Шевченко". Леонид Мартынов один из самых выдающихся поэтов второй половины XX века, несравненный мастер талантливого переосмысления всего, что его окружало, начиная от на первый взгляд малозначащих картинок повседневного быта и кончая глубоким философским проникновением в тайны мира как такового, в тайны значимых исторических событий и в самые сокровенные тайны человеческой души. Талант поэта блестяще сочетается у Л. Мартынова с поистине энциклопедическими знаниями, а заодно и с постижением так называемой повседневности. Биография Т.Шевченко хорошо известна, хорошо известны многочисленные его злоключения и, хотя кое-что в истолковании различных событий и их причин в его жизни остается спорным по сей день, вряд ли можно ставить под сомнение значимость этой фигуры в самых различных планах с выходом далеко за пределы только лишь одного поэтического творчества. Многие становятся доступным в нашем знании о Шевченко и из его дневника, который он писал на русском языке. Многие из нас читали и будут читать этот дневник. Но написать о дневнике, так как это сделал Л.Мартынов, дано лишь тому, кто способен воспринять через какой-то предмет, объект, – в данном случае – дневник, – не только его автора во всей его творческой мощи, но и всю сопутствующую ему эпоху – тогдашнюю Россию на рубеже переходных 60-х годов XIX века.

Приведу несколько примеров этого преобразующего, поистине творческого восприятия поэтом мира, событий, людей, природы.

Вот извечный, непреходящий вопрос о смысле жизни, о жизни и смерти. Казалось бы, что уж тут можно сказать такого нового, оригинального: жизнь – это жизнь, а смерть – это смерть, со смертью, как считали и считают очень многие, все и заканчивается – был человек, нет человека. Но не тут-то было у гениального поэта! Он прямо с первой строки делает ошеломляющее своей парадоксальностью заявление:

Со смерти

Все и начинается,

И выясняется тогда,

Кто дружен с кем,

Кто с кем не знается

И кем земля твоя горда.

И все яснее освещается,

Кто – прав, кто – прах,

Кто – раб, кто – знать...

И не менее ошеломительная концовка:

А если смертью все кончается,

То нечего и начинать!

Все небольшое стихотворение как афоризм, как формула смысла жизни, который, как это четко проступает в тексте, имеется только тогда, когда человек фактически творит достойные бессмертные дела. И подлинная жизнь (да, чуть ли не главная жизнь!) начинается только со смертью, если только ты, говоря упрощенно, прозаически, творил добрые дела. И давайте при всем этом не забудем, что это стихотворение написал вроде бы, – а как еще можно было о Л.Мартынове подумать в 1971 году, стопроцентный атеист, а не религиозный поэт. Попробовал бы он вовлечь в контекст стихотворения один лишь намек на Бога и бессмертие души, мы бы этого стихотворения в те времена никогда бы и не увидели напечатанным. А, ведь, фактически именно о бессмертии человека речь и идет. И в главной, да почти и единственной, идее стихотворения заключено именно философско-социальное восприятие поэтом человека в мире; здесь же и конкретный, если хотите, психологизм жизненной мотивации, стратегической направленности личности, определяющий всю последующую судьбу человека, вектор его истинного "Я" среди других во всех переплетающихся сферах экзистенциального, опущенного физическими законами срока и, пожалуй, большая или меньшая бессрочность, или даже бессмертие в будущем; бессмертие, если ты и впрямь творил, опять перевожу на язык этической прозы, – добро.

Такого рода философско-синтетическое обобщающее восприятие присутствует едва ли не в большинстве произведений автора, причем в необычайно широком диапазоне.

Вот мы сейчас в полной мере столкнулись с экологическими проблемами, а поэт отчетливо пророчествовал об этом еще в сравнительно "экологически чистом" 1965 году в стихотворении "Голос природы":

Слышу я

Природы голос,

Порывающийся крикнуть,

Как и с кем она боролась,

Чтоб из хаоса возникнуть,

Может быть, и не во имя

Обязательно нас с вами,

Но чтоб стали мы живыми,

Мыслящими существами.

И твердит природы голос:

"В вашей власти, в вашей власти,

Чтобы все не расколосось

На бессмысленные части!"

На небольшом малостроичном пространстве Л.Мартынов (опять-таки) выстраивает фактически два глобальных процесса – процесс развития природы, воссоздания ею человека и вполне реальный процесс фактически уничтожения (раскалывание "на бессмысленные части") этой же природы-матери человека, – представлен первичный хаос, из которого произрастала жизнь и возможный хаос эсхатологического отнюдь не "хэппи-энда".

А через что это может проходить поэт показывает, прибегая к "помощи" в данном случае уже четко наглядных образов, воссоздаваемых на полотнах такого выдающегося мастера, как Иероним Босх. Картины Босха, как это показывает Л.Мартынов, к сожалению, весьма успешно накладываются на современность:

Мне чудится, что жив художник Босх.

Брожу я с Иеронимом Босхом

Отнюдь не в мире живописи плоском, –

Будь это "Мир искусства" или МОСХ, –

Но в бесноватом, узловатом, хлестком

И жестком, несмотря на внешний лоск,

Реальном мире, что от слез промок.

Мы по газетным тычьемся киоскам,

И радиомембраны говорят,

Где мор, где глад, где города горят,

Там счет потерян трупам распростертым,

И любомудрие летит в костер там,

Где песнопевцы виснут, вопия,

На лирах распяты...

Перед нами в самом деле широкая панорама реального сегодняшнего мира, тем более, так сказать, усиленная безграничными возможностями телевидения, которое в момент создания стихотворения еще не было столь всемогущим. Тот, кто знаком с репродукциями картин Босха, легко воспроизведет их в своем воображении, читая строки этого стихотворения, а кто не знаком, актуализирует свое воображение, благодаря стимулам представляемых в стихе образов, воспринимаемого "глазами Босха" окружающего мира современным поэтом (стихотворение имеет усиливающие его начало продолжение) – восприятие поэта обострено апокалиптическими индикаторами трагической современности, завершая его перевоплощением в художника, который в порыве обращается фактически к любому из нас:

И пусть мои прозренья озарят

Ваш мир аэротрасс и автострад,

Чтоб отцарил палаческий топор там,

И чтоб не стало мрачным натюрмортом

*Живое все, и чтобы верил я,
Что ад земной – лишь выдумка моя!*

Здесь уже возможный конец всему подан не через хаос, а через возможный натюрморт, которым может стать все живое. Удивительное перевоплощение гениального современного поэта в гениального художника раннего средневековья позволяет Л.Мартьянову поистине босховскими образами воссоздать все тот же возможный не "хэппи-энд".

Это фрески, монументальность – здесь наш взгляд перемещается от образа к образу по множественному лабиринту босховского полотна. А вот совсем другая картина, уже зарисовка или просто повседневная фотография, которая названа такими болезненными для современного жителя большого города словами "Час пик":

*Переходы
Становятся узковатыми,
Пешеходы
Становятся резковатыми,
Эскалаторы
Становятся тесноватыми,
Так что кажется даже минутами,
Что становимся мы перепутаны
Шубным мехом, суконными ворсами,
А, быть может, и самými торсами,
Сетью жил, где кровинки затокали,
А не только лишь биотоками ...*

Здесь все зримо: переходы, эскалаторы, заполняющая их толпа, в которой мы со всеми перепутаны, теряемся, растворяемся в месиве торсов, одежд, кровотоков и биотоков. Это фотография, подумать только, полувековой давности (1955 год, и прежде всего, имеется в виду Москва). А сегодня, когда в озера и моря толп влетают агрессивные потоки автомобилей, вытесняя и оттесняя толпу, каков накал этого сражения, этой отнюдь не холодной войны между человеком и машиной, которую он создал вначале себе на радость, а теперь, как видим, "себе на голову", и не только на голову, сегодня час пик становится хронической болезнью без надежды на благоприятное излечение, разве что... Но остановимся, так как возможный вариант "разве что" предсказан в вышеприведенном стихотворении "Голос природы", которая может вернуться к варианту хаоса и натюрморта.

Как уже было сказано и отчасти показано, диапазон дрейфов мартьяновского восприятия мира несобычайно широк и в нем немало доминант, на некоторых из них мы остановились. Отдавая должное многогранности поэтического мира данного художника, необходимо в должной мере сказать о присутствующих в этом мире многочисленных, мастерски исполненных портретах целой галереи выдающихся людей всех времен и народов. Мы уже упоминали И.Босхе, а ведь одно только перечисление представленных в Мартьянова выдающихся личностей заняло бы немало строк. Вот лишь некоторые, взятые почти наугад имена: Достоевский, Алексей Кольцов, Волошин, Блаватская, Есенин, Галилей, Геродот, Верлен, Эйнштейн, Ленин, Пикассо, Овидий, Гоголь, Шостакович, Тютчев и многие-многие другие – широко известные и практически сейчас неизвестные (не становившиеся известными именно благодаря стихам Л.Мартьянова, стихам, если они поднимаются над прозой жизни, то имеющими дар – дарить бессмертие!).

Слов нет – Леонид Мартьянов замечательный поэтический портретист, равного ему, пожалуй, и не сыскать в русской (и не только русской) поэзии XX века.

Сами судите. Вот всего пару строчек из стихотворения, посвященного В.Хлебникову, недопонятому еще и сегодня, поэту-гению:

В общем выглядел он скверно, будто загнанная серна.

И понятно: вероятно, он порядочно устал.

Хлебников жил в постоянной нужде, на грани нищеты, скитаясь, как мы бы ныне сказали подобно божу, по Москве и всей России. Он был для многих странным, едва ли не сумасшедшим. И он был весь в работе, в поэзии, в творчестве. Вряд ли у такого, отрешенного от повседневной жизни человека, эта повседневная жизнь хоть как-то могла ладиться. Л.Мартьянов во всем довольно длинном стихотворении, лишь косвенно связанном непосредственно с самим В.Хлебниковым, дает вот эту единственную строчку: "в общем выглядел он скверно, будто загнанная серна". Мне кажется, а я немного знаком с жизнью и творчеством В.Хлебникова, никто не сказал о беззащитном во враждебном любому настоящему поэту мире, так коротко и метафорически точно – "будто загнанная серна". Так увидеть, воспринять другого поэта мог только сам выдающийся поэт. Интересно в этом отношении и изображение двух других выдающихся поэтов, современников Хлебникова:

Есенин

Беседовал с Блоком:

– А вот посмотрели бы Вы,

Как в омуте мечется окунь,

Сам пленник плененной плоть!

В луну через льдистую наступь

Стремится всосаться налим...

И дальше Есенин формулирует:

От жажды схватить, заграбастать

Дух творчества неотделим!

Тут же привел и антитезис:

Но в клетке сидящая птица, -

Скажу я, чтоб стало ясней, -

Стремится поглубже забиться,

Коль тянете руку вы к ней.

А, вас, – вы не поняли, что ли? –

Хватает благая рука,

Чтоб выгнать из клетки на волю,

На волю, под облака!

Могло ли такое восприятие Есениным сущности творчества (стихотворение называется "Дух творчества") удовлетворить А.Блока? Вряд ли эти, есенинские, сравнения были слишком близки Блоку, – ведь разница между поэтическим восприятием того и другого разительная! – но:

А Блок улыбался, рассеян,

Но это движенье руки

И как волновался Есенин –

Все внес он в свои дневники.

То есть, А.Блок не отрицал законного права другого поэта на свои метафоры, образы. Именно таким, условно говоря, прозаическим образом показал нам это Л.Мартьянов.

Но раз мы уже наткнулись на дневники А.Блока, то перейдем к другому поэтическому повествованию, связанному со знаменитым дневником – "Дневник Шевченко", так и называется стихотворение, а по сути маленькая поэма о гениальном украинском поэте и художнике.

Но не только все это, не только сам Т.Шевченко и его время, но и, как это не может быть иначе у талантливого поэта, воспринимающего и оценивающего одновременно со всем этим и наше время, наш сегодняшний мир с его, в частности, новыми идеями, анализом и синтезом прошлого, истории, исторических личностей. Поэтому Л.Мартьянов начинает совсем не ретроспективно, а прямо соотносясь с тем, что происходит вокруг него:

Теперь,

Когда столь много новых книг

И многому идет переоценка,

(вот уж – как в воду пледел – опять-таки еще в 1967 году! А сейчас новых книг просто лавина и переоценка на каждом шагу, но Мартьянов обращается к главному действующему лицу)

Я как-то заново прочел дневник

Шевченко,

И увидел я Шевченко –

Меняется время, меняемся мы, меняется наше восприятие и Л.Мартьянов видит не просто гонимого, преследуемого, вроде бы отлученного не только от нормальной жизни, но – и прежде всего – от творчества, но не тут-то было, потому что Л.Мартьянов увидел:

Великого упрямяца, хитреца,

Сумевшего наперекор запретам

Не уступить, не потерять лица,

Художником остаться и поэтом,

Хоть думали, что дух его смирят

И памяти о нем мы не отыщем.

Да, именно классическими украинскими упрямятвом и своеобразной, гоголевской, что ли, хитрецей, но "Великого упрямяца, хитреца", а не хитренького приспособленца. Великого, потому что – тут-то японские самураи оценили бы слова Л.Мартьянова о не потерявшем лица несмотря ни на что поэте и художнике. Как "мастер дзюдо" Тарас Шевченко вроде бы поддался всему, что ему преподнесли ссылкой и запретам, сделал как бы несколько шагов назад (но только мнимых, для неглубокого ока), а сам все время творил – шел вперед:

Итак,

Таивший десять лет подряд

Свои творенья за голенищем,

Уволенный от службы рядовой,

Еще и вовсе не подозревая

Своей грядущей славы мировой,

А, радуясь, что вывезла кривая...

Да, Тарасу Шевченко не понадобились специальные дзен-буддистские тренинги, чтобы достичь состояния сатори (просветления) – он шел естественным для него путем – путем предельно скромного, неприязнitateльного человека, с одной стороны, и истинного рыцаря творчества, с другой, по тому пути, по той кривой линии жизни, которая была, скорее всего, именно трактисой – линией влечения, линией устремления к главному – к вершинам постижения мира, людей, любви и творчества. И Л.Мартьянов это не просто прекрасно понимает, он сопереживает, перевоплощается и дальше ведет рассказ почти словами Шевченко из его дневника:

Устроился на пароходе "Князь
Пожарский" плыть из Астрахани в Нижний.
Компанья славная подобралась.
И ближнего не опасался ближний:
Беседа, не выбирая слов,
Сужденья становились все бесстрашней.
Был мил владелец рыбных промыслов,
Еще милее – врач его домашний.
И капитан, прекрасный человек,
Открыв заветные свои портфели,
Издания запретные извлек,
И пассажиры пели как Орфей.
И далее, опять-таки "след в след" следуя за Шевченко, Л.Мартынов уже своими словами, но несколько не меняя смысла строк дневника, завершает эту картину разыгравшего вольнодумства с его последующим обоснованием:

Читались хомяковские стихи,
Вот эти: "Кающаяся Россия",
И обличались старые грехи:
Мол, времена пришли теперь такие,
Что в либеральный лагерь перешел
И Бенедиктов даже.
Вы бы знали,
Как он, певец кудряшек, перевел
"Собачий пир" Барбье!
В оригинале
Стихотворение звучит не столь
Блистательно, как в переводе этом.
Не стало Тормоза – ведь вот в чем соль! –
И Бенедиктов сделался поэтом.

Не правда ли, как все это напоминает нам уже наше время, когда в лагерь либералов переходили едва ли не толпами вчерашние охранители коммунистических устоев. Вот оно провидческое восприятие истинного поэта в этой удивительной эстафете – от Шевченко к Мартынову, от Мартынова ко

всем нам в конце двадцатого века.

А дальше опять своеобразное дублирование дневника и пересказ событий в жизни Т.Шевченко:
Вот что рука Шевченко в дневнике
С великим восхищеньем отмечала.
И "Князь Пожарский" шлепал по реке,
Машина все стучала и стучала.
Погода становилась холодна,
Готова Волгу к ледяным оковам.
Пройдя Хвалынк, читали Щедрина.
"Благоговею перед Салтыковым", -
Писал Шевченко.
К жизни возвращен,
Он радовался и всему дивился.
Так в Нижний Новгород и прибыл он,
И в Пиунову Катеньку влюбился,
И возмечтал, что "Фауста" прочесть
Она должна с нижегородской сцены.
Но, глупая, отвергла эту честь
И страсть его отвергнула надменно.
Визуальные образы следуют один за другим, в их канву вплетаются документальные фрагменты, вплоть до очередного трагического крушения в личной жизни украинского поэта. Но Шевченко и здесь смог преодолеть эту, в общем-то едва ли не трагедию:

И все-таки он духом не поник:
– А я-то думал, что она святая!
Какие стремительные переходы в этом перенасыщенном мыслями и образами стихотворении, какое органическое слияние современного поэта со своим великим предшественником – здесь Л.Мартынов выступает не как приподзаданный летописец-хроникер да еще и со своими субъективными, как это чаще всего бывает у плохих биографов, мнениями, а как живой свидетель-современник.

А вот и финал, право же героический и наконец-то воздающий Тарасу Шевченко все то, что другие не сумели высказать и воздать и в стихотворных и в прозаических формах. Причем это не просто воздаяние, это вылитая из бронзы слов формула настоящего творчества поэта – поэта, призванного Богом служить народу и правде. Сам Л.Мартынов не скрывает чувств, охвативших его при чтении дневника:

И многое еще
Вместил дневник,
И волновался я, его читая.
И вот следует эта формула, которая, конечно же, раскрывает не только оценочное восприятие Мартыновым великого предшественника, но и характеризует его философское, гражданское, психологическое и эстетическое восприятие смысла писания – и стихов и не стихов:

Смотрите!
Вот как надобно писать
И мемуары и воспоминанья,
Писать, чтоб душу грешную спасать,
Писать, как возвращаясь из изгнанья!
Писать, чтоб сколько уз не разорви
И в чем не разуверься дарованье,
А получилась повесть о любви,
Очарованье, разочарованье!
Писать как дикий, чтоб потом тетрадь
Без оговорок ринуть всем в подарок
И снова воскресать и умирать
Таким, каким родился, - без помарок!

Можно было бы сказать, что ради одних только этих строк и написано было это стихотворение-поэма. Да, но если бы был только один этот обособленный от дневника, от личности Т.Шевченка призыв к самоотверженному творчеству – это, вне всякого сомнения, звучало бы во многом декларативно. Именно в творческом восприятии Л.Мартыновым биографии Шевченко, его творчества и одновременно восприятию сегодняшних проблем, сегодняшних дней, когда, как написано в начале, "столь много книг и многому идет переоценка", и когда человек попал в хроническую информационную и социальную катастрофу, – такой взгляд на великого предшественника, на пример его творческого и гражданского подвига, это не просто взгляд, это убедительный пример проектирования своей жизни по одному из самых достойных компасов – компасу Шевченко – Мартынова.

Резюмируя этот, во многом, конечно, лишь поисковый экскурс в такую сложную проблему как целостное, в данном случае – поэтическое творческое восприятие, мы можем соответственно сделать лишь некоторые предварительные выводы общего характера, что, само собой, диктуется еще и ограниченными рамками статьи (здесь нужна монография).

Во-первых, в данном конкретном случае (мы имеем в виду, прежде всего проведенный контурный анализ стихотворения "Дневник Шевченко") творческое восприятие связано с конструированием достаточно объемной и широкой панорамной картины, включающей как общий исторический фон, так и портретное представление реальных действующих лиц (прежде всего, разумеется, это сам Т.Шевченко).

Во-вторых, синтезирующая идея, – а это, как было указано, возведение в своеобразный идеал понятийно выраженной "формулы настоящего творчества", – основывается на готовящих ее относительно автономных тезисах (ссылка Шевченко, запрет на писание стихов, освобождение, вспышка либерализма в России и др.).

В-третьих, осуществляется четкое построение моста между прошлым и настоящим, что позволяет сегодняшнему читателю в определенной мере перевоплотиться в автора и увидеть (воспринять) прошлое и настоящее, самого себя в этом "зеркале" стихотворения, четкость изображения в котором будет обусловлена как талантом автора, так и соответствующим талантом читателя, его знаниями, и, в первую очередь, его возможностями творческого восприятия уже этого стихотворения как такового.

Направляющиеся аналогии с известными произведениями изобразительного искусства (скажем, с целым рядом работ И.С.Глазунова) позволяют расширить сферу психологического анализа данной проблемы, но это уже, как нетрудно понять, совершенно особая, отдельная тема.